

Олеся Лагашина (Таллин)
«Недонаполеон»:
Марк Алданов о Л. Троцком

Марка Алданова трудно обвинить в симпатии к большевикам, и, тем не менее, в его высказываниях о них нередко звучит признание масштабности личности Ленина и даже Сталина. А. В. Амфитеатров отмечал в Алданове склонность влюбляться в диктаторские «сверхчеловеческие фигуры», «доброжелательство» к «большому человеку как таковому независимо от пятен на его моральной репутации» и «умение уважать демоническую мощь “гения” — хотя бы и под густым слоем житейской и политической грязи»¹. Однако среди большевиков была фигура, к которой известнейший исторический романист эмиграции относился с особенной неприязнью и на которую не распространялась привычная алдановская сдержанность, — Лев Троцкий. В свое время разницу алдановского отношения к обоим большевистским лидерам отметил Яков Лурье, писавший о том, что Алданов распространил на Ленина веру в роль личности истории, однако, вопреки историческим фактам, минимизировал роль Троцкого в Октябрьском перевороте².

Действительно, образ Троцкого в публицистике и романах Алданова резко отличается от образов Ленина или Сталина и даже от второстепенных исторических персонажей вроде Камо. В отличие от Ленина и Сталина, за Троцким он отказывался признавать какую бы то ни было историческую значимость. В очерке о Сталине он причислял Троцкого к историческим деятелям, воюющим перед зеркалом, отмечая, что «на боевых постах обычно

© Olesja Lagashyna, 2010

© TSQ 34, Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ *Амфитеатров А.* Литература в изгнании. Белград, 1929. С. 43.

² См.: *Лурье Я. С.* После Льва Толстого: Историч. воззрения Толстого и проблемы XX в. СПб., 1993.

имеют успех люди, на зеркало не оглядывающиеся»³. Таков, по его мнению, был Ленин, таков был и Сталин, в отличие от Троцкого никогда не игравший бенефисных ролей.

Образ фигляра Троцкого устойчив в публицистике Алданова. В очерке о Сталине (1928) он назван «великим артистом — для невыскаательной публики»⁴, «блестящим писателем — по твердому убеждению людей, не имеющих ничего общего с литературой»⁵, «Ивановым-Козельским русской революции»⁶ и «освистанным актером», который « всю свою жизнь прожил перед зеркалом»⁷. Таким же предстает Троцкий в его романах: в последнем романе Алданова «Самоубийство» он охарактеризован как «прекрасный оратор, хороший, хотя и раздутый искусной саморекламой, организатор, большевик с 1917 года, прежний враг Ильича, честолюбец, фразер, шарлатан, невыносимый человек»⁸, ораторствующий с тремоло в голосе «Балалайкина», не принимающий никаких революционных мер⁹.

Это один из немногих революционных деятелей, который почти всегда представлен у Алданова в нарочито сниженном контексте. Характерно, что как минимум дважды предсказав преждевременную гибель Троцкого не без посторонней помощи, он и в таком случае отказал этому историческому персонажу в высокой трагедийности. В 1921 г. Алданов констатировал «Этот даровитый дегенерат прочно вошел в историю. <...> Если Троцкий окончит свои дни не совсем естественным образом, то, конечно, о нем будут писаться восторженные биографии вроде той, какую чудак Намел написал о Максимилиане Робеспьере»¹⁰. В 1928 г. он прибавит: «Если он когда-либо покончит с собой или погибнет “на баррика-

---

³ Алданов М. Сталин // Алданов М. Картины октябрьской революции: Историч. портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб., 1999. С. 161 (далее: Сталин).

⁴ Сталин. С. 159.

⁵ Сталин. С. 160.

⁶ Сталин. С. 159.

⁷ Сталин. С. 161.

⁸ Алданов М. А. Самоубийство // Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т. 6. С. 441.

⁹ Персонаж «Самоубийства» высказывает предположение, что благородным жестам Троцкий и Плеханов учились в Париже у Мунэ-Сюлли, «только у того жесты выходят лучше» (Там же. С. 62).

де” (“баррикаду” он склонял во всех падежах тридцать лет), это тоже будет сделано для галерки — для того биографического труда, который о нем напишет Клара Цеткин 27-го столетия»¹¹.

Единственное, в чем Алданов усматривал одаренность Троцкого, — это его ораторский талант, который, впрочем, с успехом неоднократно был им спародирован. В романе «Бегство» (1930), например, появляется некий сановник, говорящий «о мощной, величественной поступи пролетариата»¹² и «о железном инвентаре первой истинно-пролетарской революции»¹³. При этом высокий стиль в духе Троцкого¹⁴ немедленно уничтожается тонкой алдановской иронией¹⁵.

Очевидно, что в своем представлении о Троцком Алданов был далеко не одинок: известны нелестные высказывания Ленина и Сталина в адрес соратника, а эмигрант Д. Святополк-Мирский утверждал, что Троцкий «немногим более чем воодушевленный

---

¹⁰ М. А. <Алданов М.А.> <Рец.> Зив Г. А. Троцкий (по личным воспоминаниям). Нью-Йорк: Народопрравство, 1921 // Современные записки. Париж, 1921. № 6. С. 315 (далее: Зив).

¹¹ Сталин. С. 161.

¹² Алданов М. А. Бегство // Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т. 3. С. 363 (далее: Бегство). В данном случае речь идет о неточной цитате из ст. Ленина «Очередные задачи советской власти» («Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата» — см.: Ленин В. И. ПСС. М., 1967. Т. 36. С. 208), которую Алданов привел как образчик большевистской риторики, приписав Троцкому.

¹³ Отсылка к речи Троцкого на 2-м Всесоюзном съезде Общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев 26 дек. 1925 г. «Через двадцать лет».

¹⁴ См.: «У сановника сказался пламенный темперамент трибуна, голос его принял металлический характер и речь стала чеканной, — это был Троцкий» (Бегство. С. 363).

¹⁵ «В своей речи сановник назвал не менее тридцати знаменитых философов, писателей, ученых и даже одного богослова, — назвал не без похвалы и с краткой характеристикой: у всех основное свойство заключалось в том, что они были много хуже Карла Маркса» (Бегство. С. 363). Ср., напр., с характеристикой Троцкого, данной двумя годами ранее в очерке «Сталин»: «На всех решительных фронтах он произносил пламенные речи. Каждая его речь была непременно с “восклицианиями”. От Троцкого останется десять тысяч восклицаний — все больше образные. После покушения Каплан он воскликнул: “Мы и прежде знали, что у товарища Ленина в груди металл!”» (Сталин. С. 160).

и ловкий полемист», стиль которого — «неряшливый, газетный, изуродованный обычным большевистским жаргоном», а язык его можно считать русским только в самом широком смысле слова¹⁶.

В дальнейшем Алданов в большей мере отдавал должное риторическим способностям Троцкого, характеризуя его как чрезвычайно плохого стилиста, но эффективного оратора. В очерке «Гибель Троцкого» он охарактеризовал его следующим образом: «В ранней молодости Троцкий писал плохо. Стиль его тогда в особенности отличался банальностью (чтобы не сказать сильнее). Затем из него выработался прекрасный журналист, почти со всеми достоинствами журналиста (кроме чистоты и правильности языка). Лучший его публицистический период: 1910—1930 годы. Позднее он стал слабеть, оставаясь еще отличным полемистом»¹⁷. Тем не менее, выступления Троцкого служили Алданову образцом революционной риторики, которая неоднократно становилась предметом его анализа¹⁸.

При стереотипно сниженном восприятию Троцкого Алданов внимательно следил за его публикациями, был хорошо знаком не только с его собственными текстами, но и с воспоминаниями, которые появлялись о нем. В 1921 г. эмигрантский писатель опубликовал в «Современных записках» рецензию на мемуары Г. А. Зива о Троцком, а в 1940 г. практически немедленно откликнулся на гибель последнего, опубликовав очерк «Убийство Троцкого» в первом же номере «Нового журнала». Причем интерес этот был взаимным: известен, например, достаточно жесткий отзыв Троцкого о творчестве Алданова в сборнике критических статей «Литература и революция»¹⁹.

---

¹⁶ Святополк-Мирский Д. История русской литературы. Новосибирск, 2005. С. 801.

¹⁷ Алданов М. Убийство Троцкого // Алданов М. Картины октябрьской революции: Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб., 1999. С. 250—251.

¹⁸ См., напр.: Алданов М. Горящие глаза // Совр. зап. 1935. № 59. С. 436—445.

¹⁹ См. в разделе «Вне-октябрьская литература»: «Полочкой повыше, но и побледнее <чем писатель А. Ветлугин, он же В. И. Рындзюн. — О. Л.> будет г. Алданов. Он кадетистее и, стало быть, фарисеистее. Алданов принадлежит к тем будто бы умудренным, которые усвоили себе тон высшего скептицизма (не цинизма, о нет!). Отвергая прогресс, эти люди готовы принять ребяческую теорию Вико о повторении исторического круговоро-

Непривычная резкость алдановских высказываний о Троцком позволяет предположить, что речь идет не только об идеологических разногласиях, но и заочном конфликте. Одним из свидетельств этого конфликта между двумя публицистами является статья Алданова «История как материал для психологии (или о том, как испортился Демьян Бедный)»²⁰. Поводом для ее написания послужила гневная статья Троцкого, опубликованная в его журнале

та <...> Алдановы не мистики в полном смысле слова, т. е. не имеют своей позитивной мифологии, но политический скептицизм создает для них повод рассматривать все политические явления под углом зрения вечности; это способствует особому стилю, с благороднейшей картавостью. Алдановы почти что всерьез принимают свое величайшее превосходство над революционерами вообще, коммунистами в особенности. Им кажется, что мы не понимаем того, что они понимают; революция представляется им результатом того, что не вся интеллигенция прошла ту школу политического скептицизма и литературного стиля, которые составляют духовный капитал Алдановых» (Цит. по: Пунин Н. Революция без литературы // Минувшее: Историч. альм. 8. М., 1992. С. 337—338).

Примечательно, что значительная часть отзыва Троцкого об Алданове посвящена именно критике его стиля: видимо, это стало прямым ответом на соответствующую критику Алданова, который о стиле большевистского оратора отзывался крайне уничижительно, чем, вероятно, его задевал, — в этой связи см. также след.: «Но превыше всего Алдановы считают себя стилистами — уже по тому одному, что превозмогли рыхлую фразу Милюкова и нагло-адвокатскую Гессена. Стиль их, кокетливо-простой, без ударений и характера, как нельзя лучше приспособлен для литературного обихода людей, которым нечего сказать. <...> А теперь дополнительно кое-что подсмотрели в Европе и пишут книжки: иронизируют, вспоминают, притворяются чуть-чуть зевающими, но из вежливости подавляющими зевом, цитируют на разных языках, делают скептические предсказания и тут же опровергают. Сперва это кажется занятным, потом скучным, под конец омерзительным. Шарлатанство бессильной фразы, книжное фланерство, духовное лакейство!» (Там же). Причину столь резкого отзыва Троцкий, проговариваясь, называет в той же работе, заявив, что на досуге алдановы выискивают противоречия в статьях большевистских деятелей, без которых, по мнению Троцкого, они «немыслимы», ловят ошибки в передовицах «Правды», а потом выносят «советскую глупость» на страницы эмигрантских изданий.

²⁰ См.: Алданов М. История как материал для психологии (или о том, как испортился Демьян Бедный) // Алданов М. Картины октябрьской революции: Историч. портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб., 1999. С. 115—120.

«Бюллетень оппозиции» и посвященная очерку Алданова «Убийство графа Мирбаха».

Недовольство Троцкого было вызвано тем, что в своем очерке Алданов привел свидетельство немецкого мемуариста, по утверждению которого в 1918 г. Троцкий объявил германскому послу Мирбаху, что большевики уже мертвы, и который заодно обвинил последних в получении от Германии денег на организацию революции в России. Свидетельство немецкого дипломата Ботмера, приведенное Алдановым в очерке, появившемся в янв. 1936 г., было использовано в кампании против Троцкого, развязанной в Советской России. Причем газета «Правда» откликнулась на алдановскую публикацию в «Последних новостях» практически немедленно²¹.

Возмущенный «клеветой», Троцкий попытался оправдаться в подконтрольном ему издании. После этого Алданов, опять-таки оперативно откликнувшись на эту попытку²², буквально не оставил от него камня на камне, предположив, что утверждение о «смерти большевиков» было очередным театральным высказыванием Троцкого «для истории», о котором, в отличие от педантичного немца Ботмера, он благополучно забыл на следующий день²³.

Публицистическая дуэль между Алдановым и Троцким была неизбежна, поскольку оба так или иначе пытались интерпретировать истоки и события русской революции, и в историко-публицистических сочинениях обоих можно выделить общие тематические блоки. Так, например, уже в 1918 г. в своей книге «Армагеддон» Алданов предполагал скорое наступление российского термидора, его занимал А. Ф. Керенский как несостоявшийся Бонапарт русской революции. Много позже Троцкий во второй том своей «Истории русской революции» (1932) включит главу «Керенский и Корнилов (элементы бонапартизма в русской революции)».

Термидорианская тема в публицистике, впрочем, была актуальна еще со времен Кронштадтского восстания, Троцкому совер-

---

²¹ «Убийство графа Мирбаха» появилось в «Последних новостях» по частям 1, 7, 11 и 19 янв. 1936 г. Заметка в «Правде» вышла 30 января.

²² В своей статье он указывает, что материал Троцкого вышел в последнем номере «Бюллетеня».

²³ История как материал для психологии. С. 117.

шенно не обязательно было заимствовать ее напрямую у Алданова. После ряда статей о большевистском термидоре в близких Алданову «Последних новостях» П. Н. Милюкова и после статьи идеолога сменовеховства Н. В. Устрялова «Путь термидора» (1921) советскую аналогию к французскому контрреволюционному перевороту искали многие.

Примечательно, что в 1927 г. историю самого Троцкого Алданов тоже рассматривал в проекции на Девятое термидора. Немного позже исключения Троцкого из партии он писал: «“Только мертвые не возвращаются”, — сказал знаменитый деятель того Термидора. Сталин, вероятно, понимает, что ветер в современной России меняется часто и что при первой перемене ветра почти вся его свора (за редкими исключениями, вроде блаженного Бухарина, коммунистического Пфуля) с полной готовностью переметнется к Троцкому»²⁴. В какой-то степени он рассматривал Троцкого как кандидата на роль термидорианского лидера, однако первым претендентом на эту роль, с его точки зрения, был, несомненно, Сталин. «Признаюсь, я “с захватывающим интересом” жду, что сделает Сталин в этом трудном экзамене на трудную историческую роль», — писал он в дек. 1927 г.²⁵

Троцкий развивал мысль о термидорианском перевороте под руководством Сталина в «Истории октябрьской революции», видимо, в какой-то мере опираясь и на публикации Алданова. Значительное внимание этой теме уделяется и в его незаконченной биографии Сталина, в которой он приписывал распознавание «угрозы термидора» внутрипартийной большевистской оппозиции, т. е. фактически себе самому, утверждая при этом, что «термидор» в большевистских кругах упоминался еще в 1923 г., однако в официальные документы не попал.

Зато строго документирована полемика о большевистском термидоре в эмигрантской публицистике. Помимо вышедшей в 1921 г. статьи Устрялова, Троцкому могла быть известна статья Б. Мирского (Б. С. Миркина-Гецевича) в «Последних новостях», послужившая своеобразным ответом эмигрантов милюковского круга сменовеховцам. Известно и то, что советскую аналогию термидора усматривали в НЭПе. Эту идею активно развивал не толь-

---

²⁴ Сталин. С. 162.

²⁵ Сталин. С. 162.

ко бывший министр Временного правительства, а впоследствии эмигрант (и реэмигрант) А. В. Пешехонов, но, например, и Е. Д. Кускова, состоявшая с Алдановым в активной переписке.

Публикация алдановского романа «Девятое термидора», начатая «Современными записками» в 1921 г., только упрочила бытование термидорианской темы в эмигрантской публицистике, поскольку параллели с современной исторической ситуацией неизбежно напрашивались. Таким образом, размышления Троцкого о повторении термидора в Советской России едва ли можно считать оригинальными, и это не ускользнуло от Алданова, который отмечал, что у опального большевистского трибуна «идей никогда не было и не будет», а «его нынешняя оппозиционная критика — общие места эмигрантской печати»²⁶.

В то же время Алданов, примеряя французскую историю на русскую революционную ситуацию, стремился обозначить в ней место Троцкого. Причем при всей ироничности его оценки он, видимо, не исключал возможности превращения Троцкого в советского Бонапарта, тем более, что представление о нем как о «красном Наполеоне» к тому моменту стало широко распространенным публицистическим клише. В то же время следует отметить стремление Алданова найти Троцкому менее гениальных предшественников. В очерке о Сталине эмигрантский публицист заметил, что Троцкий постоянно выбирал для себя выигрышные роли: «С началом гражданской войны самой бенефисной ролью стала роль главнокомандующего Красной армией. Троцкий оказался военным комиссаром, председателем Реввоенсовета, русским Карно и “электризатором революции”. Какова была его действительная роль в гражданской войне, сказать в настоящее время трудно»²⁷.

Очевидно, что сравнение с председателем Конвента Лазаром Карно, сумевшим в трудное для Франции время создать обороноспособную армию, никак не могло унижить Троцкого — вероятно, какие-то заслуги Алданов за ним все-таки признавал и в то время. Однако там же автор делал весьма существенную оговорку, замечая, что после первого разрыва с Троцким большевики (т. е. Сталин) опубликовали несколько документов, из которых следовало,

---

²⁶ Сталин. С. 159.

²⁷ Сталин. С. 160.

что роль эта была довольно скромной и что «красный Наполеон» далеко не всегда вел себя по-наполеоновски²⁸.

В развенчании легенды Троцкого эмигрантский писатель невольно оказался по одну сторону со Сталиным, хотя после изгнания Троцкого алдановская позиция в отношении него начала понемногу смягчаться. Достаточно вспомнить, к примеру, что еще в 1921 г. Алданов утверждал, что его «поход 1920 г. на Варшаву своим стилем напоминает не столько Наполеона или Карно, сколько генералов Сухомлинова и Рененкампфа»²⁹, т. е. фактически отказывал ему в каких-либо военно-стратегических способностях.

Это не отменяет того факта, что Алданов обращался к сочинениям Троцкого как к источнику информации о большевистском перевороте. Известно, что эмигранты не только побуждали Троцкого к написанию воспоминаний, которые могли бы пролить свет на события недавней истории, но и снабжали его необходимыми для этого документами. В частности, некоторые документы ему поставлял Б. И. Николаевский, вместе с Алдановым входивший в специальный комитет, заведовавший «Русским литературным архивом» при Тургеневской библиотеке в Париже. Алданов, в свою очередь, обращался к трудам Николаевского при работе над своими историческими сочинениями (напр., над очерком об Азефе).

Учитывая то трепетное внимание, с которым Алданов относился к различного рода дневникам и воспоминаниям, неудивительно, что итоговый труд Троцкого «История русской революции» попал в поле зрения Алданова, едва появившись. Следы полемики с этим сочинением можно обнаружить и в философском трактате Алданова «Ульмская ночь». В главе, посвященной октябрьскому перевороту, Алданов характеризует фундаментальный труд Троцкого как книгу, написанную «умно, искусно и талантливо»³⁰, однако вступает с ним в полемику относительно зако-

---

²⁸ Там же. В очерке о Гитлере Алданов называет еще одного предшественника Троцкого из эпохи французской революции — Дантона (см.: Алданов М. Гитлер // Алданов М. Картины октябрьской революции: Историч. портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. С. 231.

²⁹ Зив. С. 313.

³⁰ Алданов М. А. Ульмская ночь. Философия случая // Алданов М. А. Соч.: В 6 кн. М, 1996. Кн. 6. С. 273 (далее: УН).

номерности большевистского переворота, прямо называя аргументацию своего оппонента «галиматшей».

В «Ульмской ночи» Алданов в очередной раз упрекнул Троцкого в отсутствии собственных идей, указав на то, что его враги еще в бытность Троцкого у власти доказали, что он не только позаимствовал теорию перманентной революции, но и позволял себе публичные высказывания совершенно неревOLUTIONIONНОГО толка. В то же время по сравнению с ранними статьями Алданова образ «даровитого дегенерата» претерпел у него некоторые изменения. В философском трактате акцент сделан не на позерстве большевистского революционного деятеля, — за ним признается важность той роли, которую он сыграл в истории русской революции: «Без Троцкого революция была бы, но прошла бы, вероятно, много менее удачно для большевиков. Работа, которую эти два человека развили в 1917 году, всегда будет вызывать удивление историков»³¹, — констатирует Алданов, называя существование и сотрудничество Ленина и Троцкого случайностью, которая сделала большевистский переворот возможным³².

Вероятно, некоторое изменение тональности в алдановских сочинениях о Троцком следует списать на счет преждевременной насильственной гибели последнего. Алданов в вопросах этики, как известно, был чрезвычайно щепетилен. Тенденция к приглаживанию этого образа наметилась еще в очерке Алданова об убийстве Троцкого, ставшего своего рода некрологом заклятому идеологическому противнику. «Хотим мы этого или нет, — писал Алданов, — Троцкий, как и Сталин, принадлежат истории, и его смер-

---

³¹ УН. С. 275.

³² См.: «Первый случай в октябрьской революции это то, что у нее оказались два таких человека. Второй и третий случай: им обоим удалось приехать в Россию» (УН. С. 275). Ср., напр., с его более ранним отзывом о Троцком: «Несмотря на категорическое заявление г. Зива о “необыкновенных стратегических дарованиях” Троцкого, позволительно усомниться даже в том, чтобы он обладал сколько-нибудь выдающимися организационными способностями» (Зив. С. 313). Столь же негативно он отзывался об организаторских способностях Троцкого и в 1932 г. в очерке о Гитлере: «Гитлер в “Ильичи” мало годится; он по душевному складу гораздо ближе к Троцкому, которому, однако, уступает в дарованиях, за исключением дара организационного» (Гитлер. С. 229).

тью будут, вероятно, вдохновляться драматурги будущих столетий»³³.

Несмотря на это в «Ульмской ночи» Алданов искусно создает иронический эффект, помещая Троцкого в высокий наполеоновский контекст. Наполеон у него выступает в качестве мерила исторической значимости политических деятелей, в каком-то смысле можно говорить о том, что он является своего рода приемом у Алданова. Объясняя, почему Троцкий был вынужден доказывать, что большевики не собирались захватывать власть 4 июля 1917 г., он констатирует, что ответственность за неудачный переворот целиком ложится на Троцкого — вторую по значимости фигуру среди большевиков после Ленина, который в это время был болен. «Как же он, Троцкий, Наполеон революции, мог потерпеть поражение!» — иронично замечает Алданов, к тому же лоя при этом опального большевистского лидера на подтасовке исторических фактов. По свидетельству П. Н. Милюкова, автора еще одного фундаментального труда об Октябрьской революции, на которого ссылается и Троцкий, именно последний вечером 3 июля, накануне неудачного восстания в Таврическом дворце, заявлял: «Теперь настал момент, когда власть должна перейти к советам»³⁴. Если бы переворот удался, Троцкий стал бы Наполеоном революции, констатирует Алданов, однако и поражение он пытался представить как «сражение при Прейсиш-Эйлау в ожидании полной победы под Фридландом»³⁵.

Из всех выдающихся большевистских деятелей Троцкий, по Алданову, в наименьшей степени выдерживает сравнение с Наполеоном. Наиболее емко он сформулировал свое отношение к его деятельности все в той же ранней рецензии на воспоминания Зива: «<...> уж очень поздно — на пятом десятке — стал Троцкий волей судьбы проявлять свои “необыкновенные стратегические дарования”. К нему с некоторым правом можно было бы приложить злое слово Флоке о генерале Буланже: “в ваши годы, сударь, Наполеон давно умер”»³⁶.

---

³³ УН. С. 244. В то же время Алданов делал эту уступку как будто нехотя, добавляя, что «нелепо и смешно было бы сравнить в каком бы то ни было отношении это дело с сюжетом “Юлия Цезаря”» (Там же).

³⁴ УН. С. 285.

³⁵ УН. С. 286.

³⁶ Зив. С. 314.

Очевидно, что заочная полемика с «недонаполеоном русской революции» лежит в основе многих алдановских сочинений, посвященных этой теме. Эпизодически Троцкий упоминается и в его исторических текстах, прямо эту тему не затрагивающих (напр., в очерках «Ванна Марата» и «Гитлер»). Полемике с большевистскими тезисами в большой степени посвящена не только глава «Ульмской ночи», непосредственно повествующая об октябрьском перевороте, но и, например, глава о русской идее, в которой Алданов отказывает Ленину в праве быть выразителем «русской души», заявляя, что «его идеи шли частью от Маркса, частью от Бланки»³⁷. Вероятно, здесь автор полемизировал не только с автором «Русской идеи» Н. А. Бердяевым, но и с Троцким, выступившим в 1920 г. в «Правде» со статьей «Ленин как национальный тип». Очевидно также, что и Троцкий в своих сочинениях по истории революции заимствовал некоторые сведения из эмигрантских источников, в том числе у близкого Алданову П. Н. Милюкова. Тем не менее, вопрос о взаимовлиянии и полемике с Троцким историков алдановского круга и, прежде всего, самого Алданова до сих пор в алдановедении вообще не ставился. Между тем представляется, что эта тема весьма перспективна с точки зрения понимания алдановских исторических взглядов и той публицистической ситуации, в которой они формировались. Эта тема еще ждет своего кропотливого исследователя.

---

³⁷ УН. С. 337.